

Дверь снова захлопнулась. Прислонившись к ней спиной, он закрыл лицо ладонями, но в голове неотступно всплывал образ сына: тот лежит на кровати с обнаженным торсом.

Только что... еще немного, и он, не считаясь ни с чем, овладел бы тем, кто лежал перед ним.

Когда же он успел растерять остатки самообладания? Бай Сяо, глава клана Бай, человек, выведший семью на новый виток развития, сейчас лишился своего величия и той невозмутимости, с которой привык вершить любые дела. Его раздирали чувства к сыну и ответственность отца. Он давно обдумал план, как шаг за шагом загнать Жуань Мяньмянь в сеть, привязать его к себе, но это не означало, что он готов прямо взглянуть в лицо их кровной связи и принять её. В то же время он не хотел отказываться от отцовской любви. Противоречивые, иступленные чувства.

Он постарел? Или же... всё вышло из-под контроля?

Чья-то фигура бесшумно приблизилась к Бай Сяо. Это был телохранитель-иностранец из клана Бай. Он склонился и доложил на безупречном языке Тяньчао:

— Господин, Юй Чиян найден. Он в тюрьме Змеинового хвоста.

— Тюрьма... действительно подходящее место, чтобы спрятаться. — Спина Бай Сяо выпрямилась, как у кадрового военного, от него повеяло суровой, убийственной холодностью. Взгляд, брошенный на подчиненного, был привычно мрачным и жестким. — Собирайтесь, выдвигаемся!

Силуэт Бай Сяо постепенно растворился в конце коридора.

Жуань Мяньмянь, до этого безмятежно спавший, медленно приоткрыл ясные глаза. Он посмотрел в потолок, на мгновение замер, глядя на белизну над головой, а затем начал изучать обстановку. Убедившись в безопасности, он облегченно выдохнул. У Бай Сяо за это короткое время не было возможности установить скрытые камеры, что значительно облегчало его задачу.

Только он собрался обдумать свои дальнейшие шаги, как из-за двери донеслись шорохи и голоса. Один из них, ледяной, принадлежал охраннику клана Бай, а второй... второй показался смутно знакомым, но вспомнить его обладателя не удавалось.

Раздался звук поворачиваемой дверной ручки. Жуань Мяньмянь тут же притворился спящим, затаившись в ожидании гостя.

Того, кого охранники пропускали внутрь, клан Бай явно считал своим. Но Жуань Мяньмянь, оказавшийся в этом мире в полном одиночестве, сохранял предельную бдительность, кем бы ни был пришедший.

Человек подошел к кровати и, посмотрев на невзрачное лицо Жуань Мяньмяня, помрачнел.

Даже внешне старший господин не походил ни на господина Бая, ни на свою мать, а характер его был и вовсе противоположен. Эти мысли лишь укрепили его в убеждении: единственным настоящим наследником может быть только третий господин!

— Старший господин, не вините дядю Бая. Третий господин уже загнан в тупик. Как вы можете преспокойно лежать здесь? Пусть я сложу свою старую голову, но не вините меня — вините лишь то, что вы стоите у него на пути! — Это говорил управляющий Бай, которого довел до отчаяния телефонный звонок Бай Яньлана. Его слова звучали в тихой комнате пугающе резко.

Управляющий вытащил заранее приготовленный шприц. Он слегка надавил на поршень, и из иглы брызнуло несколько капель жутковатой жидкости. Довольно усмехнувшись, он сделал шаг к Жуань Мяньмяню...

(Воспоминания Бай Сяо: Империя падет)

В тот год, когда полиция нашла тело Бай Чжаньцзи, оно уже начало разлагаться. После кремации в похоронном бюро живой когда-то человек уместился в маленькую черную деревянную шкатулку. Жизнь — это театр, остается лишь вздохнуть.

Но вскоре урна с прахом исчезла.

Несмотря на тщательные поиски, никаких следов найти не удалось.

Поначалу горе от потери сына заставило Бай Сяо с головой уйти в работу. Его здоровье начало стремительно ухудшаться, пока однажды он не попал в больницу с кровохарканьем, вызванным туберкулезом.

Все подавляемые чувства и тоска, подстегиваемые физической болью, прорвали плотину, обрушившись на него сокрушительной волной.

Он с детства оберегал старшего сына от любых невзгод, но именно эта вседозволенность сделала его неспособным к суровой реальности. Как с таким характером наследовать клан? Руководствуясь принципом — не рискнешь, не поймаешь зверя, — Бай Сяо решил отпустить ситуацию.

Он надеялся, что появление третьего сына заставит Бай Чжаньцзи закалиться. Без поддержки семьи, без его защиты, в трудностях он должен был научиться взрослеть самостоятельно!

Но жизнь непредсказуема. Позже он получил тяжелое ранение от руки Юй Чияна, ставшее для него фатальным. Здоровье пошатнулось, и он уже не мог контролировать дела клана. Среди приближенных росло число предателей, они учились лицемерить. Бай Сяо видел это и понимал, что за многим стоит третий сын.

Однако эти метания не могли вызвать серьезных потрясений. Бай Яньлану, которому едва исполнилось двадцать, не хватало опыта. Пока основы клана были незыблемы, Бай Сяо позволял им играть в свои игры.

Но то, что произошло потом, застало его врасплох. Всплыл скандал с участием старшего сына и отпрыска клана И. Увидев на заголовках газет фотографии обнаженного сына с этим парнем, Бай Сяо потерял рассудок. В порыве ярости он заблокировал все новости, и первой его мыслью было не то, кто подстроил эту ловушку, а желание вычеркнуть сына из семьи и прекратить любые доклады о его жизни.

В своем гневе Бай Сяо совершил самый импульсивный и самый горький поступок в своей жизни.

Пока за Бай Чжаньцзи стояло имя клана Бай, никто не осмеливался смотреть на него свысока, даже если официально он был в «изгнании». Но стоило его исключить из списков, как он превратился в обычного человека по имени Бай Чжаньцзи, которого мог обидеть любой богач или чиновник.

Внутренние и внешние проблемы клана нарастали. Когда ярость улеглась, Бай Сяо, наконец, осознал свои истинные чувства к сыну.

Он бежал от правды, и ценой этого бегства стала смерть сына.

Он стоял у окна. Порывистый ветер кружил хлопья снега, превращая их в вихри. На его исхудавшем лице с выступающими скулами застыло острое, молчаливое выражение. Лишь черные глаза горели пугающим блеском; в них еще можно было угадать бывшее величие некогда всесильного главы клана. Он застыл в этой позе — может, на час, может, на несколько, а может, на целое утро. Он истощал остатки жизни, держась лишь на одной навязчивой идее.

Он хотел дождаться души сына, ждать, что тот придет за ним. Но Бай Чжаньцзи оказался слишком жесток — он даже во сне не являлся к нему. Должно быть, не хотел даже видеть его...

Он и представить не мог, что сын, которого он так хотел защитить, погибнет при таких трагических обстоятельствах. Если бы ему дали второй шанс, он бы ни за что не позволил Чжаньцзи уйти.

Старая немая служанка вошла в комнату. Видя, во что превратился этот некогда всемогущий человек — теперь он был похож на скелет, обтянутый кожей, — она сдерживала слезы. Она хотела его утешить, но не могла вымолвить ни слова.

Она знала, на что он смотрит. За окном, на месте, которое он велел расчистить несколько лет назад, была могила. Вокруг раскинулся зеленый газон, и даже сейчас, под слоем снега, было видно, что у надгробия всегда чисто. На белой плите было высечено: Могила Бай Чжаныцзи.

Она вернулась в этот дом год назад. Она была старой слугой клана, и, возможно, никто о ней уже не помнил.

Её задачей было следить, чтобы рак легких у Бай Сяо не прогрессировал. Поначалу он часто бесследно исчезал, и только потом она поняла: стоило ему набраться сил, как он шел к могиле и сидел там часами.

Она видела, как он раз за разом проходит через ад, как из статного красавца превращается в истощенного страдальца.

Он напоминал крепость из льда и никогда не улыбался. Единственный момент, когда в его взгляде проскальзывала нежность, был, когда он смотрел на то надгробие. Только тогда она понимала, что этот леденящий кровь человек способен на глубокую привязанность.

Бай Сяо, опираясь на руки, сжал ладонь немой служанки. Его вены вздулись, а глаза, черные, словно бездонные колодцы, казалось, готовы были поглотить всё вокруг.

— Как ты думаешь, в такой сильный снег Чжаныцзи... ему не холодно?

Служанка разрыдалась. Она закрыла лицо руками и яростно замотала головой. Женское сердце было слишком чувствительным; она жалела этого несчастного человека. Бай Сяо нельзя было выходить — это могло стать для него концом.

Мужчина распахнул окно. Сильный ветер со снегом ворвался в комнату, ударив Бай Сяо в лицо. Снежинки таяли от жара его кожи и стекали по щекам, словно слезы, сверкая в свете дня.

Раздался дверной звонок. Не желая больше видеть страдания Бай Сяо, служанка поспешила открыть. На пороге стоял человек с утонченными чертами лица, чью красоту портило мрачное выражение. Это был сын мужчины — нынешний глава клана Бай, Бай Ляньхуа.

Человек, который платил ей жалование.

— Он еще не сдох? — В голосе Бай Ляньхуа чувствовался холод, способный заморозить воздух.

Он ненавидел Бай Сяо. Ненавидел за то, что тот погубил самого дорогого для него человека. Даже спустя столько времени, стоило ему закрыть глаза, как перед ним вставал образ брата перед смертью, словно выжженное клеймо.

— А... э... ааа, — немая служанка жестами пыталась объяснить, чтобы он не провоцировал отца, но тот лишь оттолкнул её и уверенно зашагал наверх.

Когда она поднялась следом, из комнаты уже доносился рык Бай Ляньхуа:

— Отдай мне его урну! Какое ты имеешь право владеть ею?!

— ...

— Не пытайся меня обмануть! Кроме тебя, никто не смог бы спрятать её так надежно, чтобы я не нашел!

Бай Сяо молчал, холодно глядя на своего второго сына, которого никогда не ценил. Ребенок, рожденный в результате постыдного союза, — тайна, которую он больше всего не хотел раскрывать. Но по характеру этот юноша был больше всех похож на него: такой же жестокий, такой же беспринципный и такой же одержимый.

Его когда-то мягкие черты лица с годами стали жестче, обрели пугающую притягательность, манящую людей, словно мотыльков на огонь. Но болезненная бледность и мрачный, упрямый взгляд заставляли людей держаться на расстоянии. Из него была ключом безумная одержимость старшим господином.

По правилам клана «Бай Сяо» давно был мертв, но Бай Ляньхуа тайно держал его в хорошо охраняемом особняке на окраине. Ему нужна была вещь, которая находилась у Бай Сяо, — урна с прахом Бай Чжаныцзи. Пока он её не получит, он не позволит отцу умереть.

Пять лет назад, когда Бай Чжаныцзи был застрелен на заброшенном складе, Бай Сяо, словно в забытьи, подтолкнул своего второго сына, который жаждал власти, на вершину клана.

Сам он отошел в тень, а третий сын, Бай Яньлан, которого он по доброте душевной отправил в исправительное учреждение, с тех пор так и не вернулся.

Бай Сяо жутко улыбнулся. Его глаза напоминали пересохшие колодцы — пустые и пугающие. Для того, кто потерял всякую надежду на жизнь, любые угрозы или посулы были бессмысленны.

Бай Ляньхуа понимал это. У него на лбу вздулись вены, кулаки сжались до боли. Противостояние вновь закончилось поражением Бай Ляньхуа.

— Не надейся умереть так легко. Пока ты не отдашь её, ты будешь жить, даже если мне придется превратить тебя в живой труп! — Бросив это, Бай Ляньхуа ушел, сдерживая гнев. Служанка с опаской посмотрела на внезапно притихшего Бай Сяо и увидела, как он, пошатываясь, выбежал из комнаты. Его истощенное тело бросилось навстречу ледяной стуже.

Его черные, лишенные блеска глаза были устремлены на надгробие. Спина, напряженная как пружина, казалась готовой сломаться от любого прикосновения. Снег покрыл его легкую одежду слоем инея.

Он медленно подошел, боясь потревожить сон Бай Чжаньцзи. Каждый шаг оставлял кривой след. Это выглядело нелепо, но единственный свидетель — немая служанка, которая бежала следом, пытаясь его удержать, — не могла выдавить из себя ни улыбки.

Бай Сяо онемел от боли. Он рухнул перед могилой Бай Чжаньцзи, словно обретя долгожданную опору. Он прижался к надгробию, надеясь получить хоть капельку тепла.

Служанка замерла, испуганная темным, пепельным оттенком его лица. Казалось, Бай Сяо с трудом дышит, но воля заставляла его делать вдох за вдохом. Со стороны это зрелище было настолько душераздирающим, что сердце сжималось от боли.

Затем произошло неожиданное: Бай Сяо нажал на небольшой выступ на основании надгробия. Камень поддался, и он достал урну. Тщательно смахнув рукавом пыль, он осторожно открыл крышку. Его взгляд был прикован к содержимому, словно сын находился прямо там. Его пальцы, дрожащие на ледяном ветру, напоминали увядающие белые хризантемы.

Бай Ляньхуа не мог найти её, потому что был ослеплен самоуверенностью: он был уверен, что в построенном им доме всё под контролем. Он и не подозревал, что вещь, которую он безумно искал пять лет, всё это время была у него под носом.

Служанка видела, как Бай Сяо открыл крышку. Оттуда потянулся странный запах, но Бай Сяо лишь нежно улыбнулся. Возможно, боясь, что ветер развеет прах, он поднес урну к лицу и начал понемногу съедать то, что было внутри.

— А... — служанка в ужасе затаила дыхание.

Бай Сяо, казалось, поперхнулся, но, стиснув зубы, проглотил содержимое, не желая его выплевывать. Его лицо, залитое синевой и красными пятнами, выглядело пугающе, но служанка уже заливалась слезами. Такой Бай Сяо был страшен, он казался безумцем, но её сердце разрывалось от боли при виде этого.

Этот прах он не отдаст никому. Теперь, когда он стал частью его самого, его душа обрела долгожданный покой.

...

В холодной реанимации больницы лежал человек, который еще несколько лет назад мог вызвать землетрясение одним своим чихом. Он тихо лежал на кровати, его грудь мерно сжимали реанимационные аппараты, звуки сжатого воздуха были отчетливо слышны. На лице

Бай Сяо была кислородная маска, но он уже почти не дышал. Стекло маски затуманилось от слабого дыхания, время по крупницам забирало его жизнь...

Его сознание меркло. Монитор сердечного ритма издал пронзительный писк, который постепенно перешел в ровную линию.

Чжаньцзи...

(Размышления Жуань Мяньмяня)

Размытые образы в голове прояснились, словно проявленная пленка. Управляющий Бай действительно был человеком Бай Яньлана. Но как человек, который с детства растил Бай Чжаньцзи, мог так легко предать его?

Если он действовал заодно с Бай Яньланом, неудивительно, что тот с самого начала знал о предпочтениях Бай Чжаньцзи.

Жуань Мяньмянь не знал, что Бай Яньлан был внуком управляющего Бая, и, конечно, тот был готов на всё, чтобы его внук взошел на трон.

Он лежал, напрягшись под одеялом, внимательно вслушиваясь в малейшие звуки. Конечно, он не пропустил шипение шприца, из которого выдавливали воздух. Он не ожидал, что управляющий настолько безумен, что готов пожертвовать собственной жизнью, лишь бы убить старшего сына в таком месте.

Приоткрыв край одеяла, он схватил другую руку Бай Чжаньцзи, свободную от капельницы. Управляющий, глядя на безмятежное лицо старшего господина, который, казалось, всё еще был без сознания, почувствовал прилив уверенности: Старший господин, лучше умереть по-настоящему, чем имитировать смерть!

За дверью слышались голоса.

— Прочь с дороги! — Голос Бай Ляньхуа звучал совсем иначе, чем когда он был послушным и мягким в присутствии Жуань Мяньмяня, в нем сквозила необъяснимая ярость и раздражение.

— Прощу прощения, второй господин, но таков мой долг. Господин приказал никого не пускать. — За дверью снова раздался формальный тон охраны.

— Я для вас посторонний?

— ...

— Ладно, я могу не входить.

— Спасибо за понимание, второй господин!

— Хе-хе, если я устрою здесь членовредительство или, скажем, самоубийство, у тебя, наверное, будут неприятности, верно?

— Вт... второй господин...

— В конце концов, у меня аутизм, так что любые выходки не будут мне в вину... — При мысли о том, что внутри лежит его самый дорогой брат, Бай Ляньхуа проявил свой истинный, ледяной характер. Его властность заставляла трепетать.

Слова Бай Ляньхуа перешли в откровенную угрозу.

<http://bllate.org/book/20974/2129096>